

© 2004 г. О.А. РАДЧЕНКО, Н.А. ЗАКУТКИНА

ДИАЛЕКТНАЯ КАРТИНА МИРА КАК ИДИОЭТНИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Еще в тридцатых годах XX века в работах немецких диалектологов прозвучала идея о том, что диалект представляет собой особую, более архаичную, по сравнению с общенародным, литературным языком, форму освоения действительности, присущую сплоченным языковым коллективам и отличающуюся рядом конститутивных признаков, в том числе: парцелированием объектов познания, антропоцентризмом, субъективизмом, большей зависимостью от внешних условий бытия, "пессимизмом", консерватизмом. Однако до сих пор остается актуальной задача изучить этот уникальный гносеологический и культурный феномен, определить универсальные и уникальные составляющие, а в результате – определить пути создания новой модели целостного описания диалектной картины мира.

Следуя лингводескриптивной теории и практике Мюнстерской и Боннской школ неогумбольдтианства, вполне возможно не только предположить существование своей картины мира в диалектах существующих языков, но и доказать это на фактическом материале в сопоставительном модусе. Диалектная картина мира отличается от общезыковой своим естественным характером, поскольку она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, близость к природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется никакой кодификацией, однако служит своего рода субстратом для картины мира общеупотребительного языка. Картина мира диалекта присущи особые социолингвистические характеристики и системные параметры, она проявляется, главным образом, в устной речевой деятельности в определенных сферах коммуникации. Диалектоситель не только предпочтительно пользуется средствами определенных подсистем лексики и фразеологии, словообразовательными ресурсами, отличающимися по своему богатству и своеобразию от ресурсов общеупотребительного языка, он иначе "ословливает" окружающий мир, рисует иную картину бытия, чем носитель литературного языка, опираясь на возможности своего диалекта и развивая и обогащая их.

Статус диалекта как гносеологического феномена следует рассматривать как зависимую от конкретной диалектной и культурной ситуации в данной стране характеристику. Это позволяет отказаться от распространенных суждений о диалекте как о "подсистеме", "варианте конкретного языка, "вымирающем явлении", "реликте прежних эпох" и т.п. Этим суждениям следует противопоставить рассмотрение каждого диалекта как уникального пути освоения действительности, подлежащего как можно более тщательной фиксации и осмыслению в рамках консервативной диалектографии. В то же время, вызывают сомнения ценность намеренного культивирования диалекта и некоторые методы его содержательно-ориентированного культурологического описания, например, метод "культурных сценариев" А. Вежбицкой.

В настоящее время функционирование диалектов в различных диалектных ситуациях уже давно не рассматривается как тривиальный процесс вымирания "редундантных" форм языка. Более того, процессы ревальвации диалекта (в Швейцарии и Люксембурге), случаи политического давления на носителей диалекта с целью заставить их перейти на государственный язык большинства (во Франции – ситуация в Эльзасе и Лотарингии, в Италии – ситуация в Южном Тироле) заставили лингвистов, педагогов,

политиков, философов проанализировать возможности и границы использования диалекта в общественной жизни.

Консервативное концептуальное описание диалекта, представляющееся наиболее адекватным сущности этого явления, призвано ориентироваться на выявление внутренней, скрытой логики диалектной номинации, с целью создания базы для содержательного сопоставления разнообразнейших "диалектных логик" и приближения тем самым к идеалу сравнения картин мира, провозглашенному в трудах В. фон Гумбольдта. Методологической опорой такого описания может стать *гипотеза диалектной относительности*, являющаяся развитием гипотезы языковой относительности Сепира-Уорфа и лингвофилософской концепции немецкого неогумбольдтианства.

Эта гипотеза включает следующие тезисы: 1) Каждый язык представляет собой один из возможных вариантов языковой концептуализации действительности, перманентно воссоздаваемый и обновляемый в рамках данного коллектива его носителей (языкового сообщества). Уникальность картины мира, содержащейся в системе языковых концептов, идиоматических средств, словообразовательных и других синтагматических ресурсов, обусловлена неповторимыми условиями, в которых осуществляется познавательная деятельность каждого человеческого коллектива. 2) Картина мира, заложенная в литературном (общенациональном, общеупотребительном, "письменном") языке, носит в известной степени искусственный, конвенциональный характер, поскольку она создается путем принятия мер по нормированию, упорядочению, нивелированию ее системных качеств. Этот искусственный характер вуалируется и подкрепляется культурными факторами (письменностью, художественной литературой, прескриптивным характером общеупотребительного языка), а также не ощущается тем поколением языкового сообщества, которое выросло в концептуальных рамках картины мира национального языка. 3) Базой для создания этой картины мира является совокупность естественно созданных систем концептуализации действительности, присущих небольшим языковым коллективам, – диалектам, говорам, наречиям. Картина мира национального языка компилируется первоначально из картин мира диалектов путем их сопоставления и селекции наиболее общих черт, однако с опорой на какой-либо один из них, приобретающий в определенные исторические периоды приоритетный статус. 4) Картины мира диалектов, тем самым, не являются фрагментами картины мира национального языка, а, напротив, будучи субстратом последней, они сохраняют в течение определенного периода времени после создания национального языка особые качества, связанные с их большей близостью к исконным занятиям человека, традиционному образу жизни, натуральному хозяйству. 5) Каждый диалект, будучи связанным общим происхождением и функционированием в единой диалектной ситуации с другими диалектами, тем не менее, обладает не только сходными, но и отличными чертами, определяющимися особенностями гносеологической деятельности данного диалектного сообщества. Тем самым совокупность диалектов представляет собой *континуум естественных картин мира на пространстве одного из вариантов языковой концептуализации действительности (конкретного языка)*.

1. Диалект как лингвофилософский феномен

Социальная стратификация современных языков характеризуется строго определенным методологическим подходом к анализу социальных и территориальных разновидностей языков – профессиональных и социальных жаргонов, арго, территориальных диалектов и наречий, говорам и патуа. Эти разновидности различаются между собой не столько терминологическими системами, сколько самой сущностью мировосприятия носителей данных разновидностей языка, что отражается в лексических системах, предпочтениях в выборе грамматических средств, особенностях дискурса.

В современной лингвистике принято использовать термин "языковая концептуализация мира" (речь идет о том способе, который характерен для процесса языкового освоения мира в условиях данного языкового коллектива). Так, известные специали-

ты по русской языковой картине мира Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев отмечают: «Мы знаем, что ярким отражением характера и мировоззрения народа является его язык и, в частности, его лексический состав. Анализ русской лексики позволяет сделать выводы об особенностях русского видения мира, частично подтверждающие и одновременно дополняющие и уточняющие указанные выводы, и подвести под эти рассуждения о "русской ментальности" объективную базу, без которой такие рассуждения часто выглядят поверхностными спекуляциями» [Булыгина, Шмелев 1997: 481].

Действительно, именно лексический состав языка, взятый в его системном (семантическо-полевом) аспекте, способен в гораздо большей степени, чем анализ иных языковых уровней, позволить заглянуть в процессы этноспецифической номинации, отражающие пути и методы освоения мира данным языковым коллективом, вскрыть присутствующие ему способы "перевода мира в собственность духа" (В. фон Гумбольдт), "языкового освоения и преобразования мира" (sprachliche Anverwandlung der Welt) (Й.Л. Вайсгербер).

В 1883 г. в своем докладе о "письменном языке и народном диалекте" Г. Остгофф привел следующую метафору. В одном лесу стоят две молодые ели. Одна из них растет без помех, подвергаясь лишь воздействию природы; другую же выкапывают, пересаживают в сад, ухаживают за ней и формируют искусно. Если сравнить их между собой, говорит Остгофф, "первому дереву положен приз за то, что оно представляет нам истинную суть деревьев и дает возможность наблюдать совершенство природы... Так и письменный язык, рассматриваемый как язык, без сомнения, не может не уступать по своей ценности народному диалекту" [Osthoff 1883: 14]. Если ученого интересуют тонкости развития языка, то вопрошать об этом следует не литературный язык, а "только народные уста, в естественную и неподдельную речь коих нам надлежит внимательно и усердно вслушиваться, дабы исследовать невиданную истину о том, как таинственно бушует и созидает свои ткани дух языка" [Osthoff 1883: 15].

Практические исследования по исследованию духа народного языка были начаты, однако, еще задолго до этих выводов Остгоффа. Так, в конце XVIII века были предприняты первые попытки систематизировать словарь тюрингского диалекта (в графстве Хоэнштайн) [Rosenkranz 1967: 653]. Однако XIX век привнес паузу в эти исследования, переведя магистральные пути диалектологии на исследование звуковой стороны диалектов и в сферу диахронии. Лишь в начале XX века наметился возврат к исконной задаче диалектологии – исследованию того, что получило название "картины мира диалекта".

Конкретную форму этому поначалу романтическому отношению к немецкому языку и к его территориальным разновидностям попытался придать в своих работах Г. Штейнталь, утверждавший: "Всякий язык является изначально одним диалектом среди многих диалектов: так, средневерхненемецкий язык исконно был швабским диалектом, итальянский язык – флорентийским диалектом и т.д. Но по мере того, как этот диалект используется для выражения общих мыслей и чувств одного народа и служит не только тем, для кого он с детства был домашним и разговорным языком, но и всем прочим, говорившим на родственных диалектах, для выражения более высокой общей духовной жизни; по мере того, как он облагородился путем выражения более высоких устремлений, обогатился посредством выражения новых понятий, исключил все низкое, упрочился в связи с потребностью в истине и красоте и с учетом широкого взаимопонимания, он отдалялся от родного диалекта, из которого он начал свое восхождение, так что вскоре после обособления одного диалекта для литературных целей он стал иным, отличным от того и теперь отличался как язык от его более раннего состояния диалекта" [Steinthal 1876: 48].

Штейнталю принадлежит одна из первых "семантических программ" исследования экзотических языков и диалектов. В частности, обращая внимание на необходимость личного обследования областей, в которых распространен тот или иной экзотический язык, Штейнталь предлагал исследователю обстоятельный вопросник. Исследователь должен был, к примеру, выяснить у носителя данного языка обозначения имен родст-

ва. частей тела, элементов прически, внутренних органов (в сочетании с теми эмоциями, которые ассоциируются с ними), обозначения для сна и бодрствования, болезней и лекарств, названия воздуха, земли, неба, природных явлений, домашних и диких животных с учетом различий в возрасте, цвете, поле, характере, обозначения построек, их частей, инструментов и оружия, одежды и украшений с учетом их формы, цвета, размеров, исследование представлений о красивой женщине, прекрасном животном, цветообозначения, масти животных, выражения для ремесел и занятий, качеств человека, глаголы движения, обозначения качеств предметов, числа от 1 до 100, числительные, местоимения, основные наречия, обиходные выражения и формулы общения. К своим рассуждениям Штейнталь также прилагает подробный список выражений по указанным предметным группам, а также подробный вопросник по грамматике и даже по средствам мимики и жестикуляции.

Интересную и весьма сходную точку зрения мы находим в работах русского последователя и современника Штейнталья А.А. Потебни. Полемизируя с уничижителями диалектов, Потебня отмечает: "Именно то, что перевод с литературного языка на областное наречие и с одного областного наречия на другое весьма часто кажется пародией, именно это служит доказательством, что, предупреждая решение науки, верное чутье понимает самые сходные наречия как различные музыкальные инструменты, быть может, иногда относящиеся друг к другу как церковный орган и балалайка, но тем не менее незаменимые друг другом" [Потебня 1905в: 174]. Объяснение этой незаменимости видится Потебне в особенной взаимосвязи ощущений и мышления с родным диалектом: "Есть чувства и мысли, которых не вызвать на общелитературном языке известного народа никакому таланту, но которые сравнительно вызываются на областном наречии" [Потебня 1905в: 175].

Устойчивость языка к внешним влияниям Потебня связывает в первую очередь с лексической системой, которая "способна без перерождения выдерживать напор" этих влияний [Потебня 1905в: 179]. Правда, здесь мы поневоле сталкиваемся с проблемой, которая являлась предметом дискуссий как во второй половине XIX, так и еще в начале XX века: проблеме взаимосвязи богатства языкового материала и степени духовного развития народа-носителя этого языка. В этой проблеме, как обычно, присутствуют две крайности.

Одну из них сформулировал замечательный философ языка, создатель эстетического идеализма как направления в лингвистике К. Фосслер: "Чем более талантлив и чем более цивилизован народ, тем более совершенен его язык, тем яснее и прочнее его грамматика, чем четче его лексикон и тем тоньше его нюансы" [Vossler 1904: 90]. Если следовать логике Фосслера, то и в отношениях между языком и его "наречиями" неизбежно то же соотношение: литературный язык обязательно должен обладать более тонкими нюансами и большей четкостью в организации словаря и грамматического строя. Однако это можно сказать лишь о состоянии и качестве дескриптивного аспекта в исследовании языков и диалектов: несомненно, литературный язык (в частности, немецкий) несравнимо лучше описан и зафиксирован в лингвистической литературе, чем его многочисленные диалекты. Однако существуют многочисленные примеры возникновения нового языка на базе одного из диалектов "культивированного" языка (ср., например, люксембургский язык, сложившийся из мозельско-франкского диалекта с многочисленными французскими вкраплениями), которые, по той же логике, должны быть неизмеримо беднее в лексическом и грамматическом отношении.

Потебня рассматривал эту проблему совершенно с другой стороны, с точки зрения перехода от конкретного к абстрактному по мере развития языка: "Чем далее в прошедшее, тем менее в языке слов отвлеченных и формальных, которым ничто не соответствует в чувственном восприятии. Первобытное слово должно было соответствовать безразличному комплекту вещи и ее действия и качества" [Потебня 1905а: 449–450]. По мысли Потебни, "человечество идет от того состояния, при котором конкретное явление, впечатление текущего мгновения занимает всю ширину и глубину сознания, к тем состояниям, при коих, при помощи все большего и большего отвлече-

ния, все большей и большей стройности в распределении отвлечений, мысль становится способной обнимать все более и более сложные ряды явлений" [Потебня 1905а: 481]. По этой причине упомянутые Фосслером "тонкие нюансы" в лексиконе должны неизбежно утрачиваться, уступая место классификациям и обобщениям. Потебня в данном случае вступает в косвенную дискуссию с Фосслером, приводя доказательства того, что "богатство синонимов вовсе не предполагает высокой степени развития мысли": в русских наречиях более 40 обозначений лошадиных мастей, более 40 глаголов для понятия "говорить", более 30 названий хлеба [Потебня 1905б: 595]. Важно отметить, что Потебня рассматривает историю становления народного своеобразия как удаление от общечеловеческого, универсального: "Приближение к общечеловечности мы можем представить себе лишь позади нынешнего уровня развития человечества... Но по направлению к будущему общечеловечности, в смысле сходства, может только уменьшаться. Она увеличивается лишь в смысле силы взаимного влияния" [Потебня 1905в: 198].

Идея о тесной взаимосвязи духовного своеобразия языкового коллектива и понятийной уникальности его языка, ставшая одной из опор концепции А.А. Потебни, получила распространение среди части российских философов языка и лингвистов в конце XIX – начале XX в. Эта идея отражена, к примеру, в трудах С.П. Шевырева [Шевырев 1884], отдельных работах И.А. Бодуэна де Куртенэ [Baudouin 1929], Г.Г. Шпета [Шпет 1927], представителей Харьковской лингвистической школы. Чрезвычайную ценность диалектов как источника "исконного", "незамутненного" языкового материала подчеркивали и представители немецкого романтизма и младограмматики. В то время и в Германии, и в России с этой идеей связывались преувеличенные романтические ассоциации языка и народного духа, души народа, не подкрепленные лингвистическими исследованиями, серьезными эмпирическими данными. Будучи элементом духовного наследия философии XIX века, идея понятийной уникальности языков оставалась лозунгом, использовавшимся в политических или поэтических целях.

В конце XIX века в европейском языкознании складывается диалектная география, оперировавшая методом составления языковых атласов и выявления с этой целью изоглосс. В 20-х гг. XX столетия формируется "культурно-морфологическое" направление в диалектологии, которое интерпретирует диалектные ареалы как реликты древних административных образований. В работах К. Хаага устанавливается членение всякой диалектной зоны на "ядерную область" (Kerngebiet) и "периферийную область" (Saumgebiet) или "зону вибрации" (Vibrationszone).

Проявление этнопсихологического подхода к диалектам ощущается в работах начала XX века, он превалирует (опять же по политическим причинам) в философии языка Германии в 30–40-х гг. [Walter 1929; Panzer 1937; Witter 1989]. Разбирая многочисленные точки зрения на то, что особенно ценно при таком рассмотрении языка, исследователь этого периода непременно обратит внимание на мысль о том, что языковое освоение окружающей действительности *негомогенно в различных человеческих коллективах*. Используя идею Гумбольдта о внутренней форме и мирозерцании, которые присущи каждому языку, неогумбольдтианцы формулируют тезис о существовании *языковой картины мира* (sprachliches Weltbild). В качестве неотъемлемой составляющей идиоэтнической характеристики языка, наряду с картиной мира, выдвигается существование коллектива носителей данного языка, *языкового сообщества*. Его определение служит основой для трактовки *диалектного сообщества* как одной из специфических составляющих языкового сообщества (о диалектном сообществе см. [Debrunner 1957–1958; Ipsen 1930–1931; 1931; Mutius 1929; Polenske 1933; Sombart 1939; Vierkandt 1931]). Именно с ним связано право человека на родной диалект.

Й.Л. Вайсгербер признавал за диалектным сообществом особую роль, а за диалектом – общественную силу, поскольку "посредством диалекта люди, не связанные тесно друг с другом одной из естественно-обусловленных форм сообщества (семьей, сословием, местожительством), объединяются в довольно обширное сообщество" [Weisgerber 1931: 604]. И хотя на подобном сообществе сказываются и иные взаимо-

связи культурного, политического характера, тяготение людей к одному центру, гораздо более важным является то, что "созданное таким образом сообщество охватывает все сферы жизни и обнаруживает упорство в своем сохранении, даже если исконно действовавшая сила на некоторое время прекращает действовать" [Weisgerber 1931: 604]. Поэтому диалект рассматривается Вайсгербером как самый простой случай проявления надпространственной и надвременной силы языкового сообщества.

Качество, присущее членам такого сообщества, М. Шелер обозначил как "относительно естественное мировоззрение" (*relativ natürliche Weltanschauung*), объединяющее в себе понятия и предметы суждений, не нуждающиеся в доказательствах и рассматриваемые членами данного сообщества как естественно-данные. Именно об этом качестве, хотя и под другим названием, писал Э. Кассирер: "Наивный реализм обычного мировосприятия, как и реализм догматической метафизики, совершает постоянно одну и ту же ошибку. Он вычленяет из совокупности возможных понятий действительности одно единственное и устанавливает его как норму и прообраз для всех прочих. Так определенные необходимые формальные точки зрения, с которых мы пытаемся оценивать, рассматривать и понимать мир явлений, перечеканиваются в предметы, бытие как таковое" [Cassirer 1921: 118]. В то время как Кассирер негативно оценивает эту односторонность познавательных возможностей наивного реализма и считает возможным преодолеть ее при помощи систематической философии, Вайсгербер отождествляет это относительно-естественное мировоззрение с картиной мира данной группы людей и призывает изучить ее как ценный пример одного из возможных путей познания действительности.

Психологическую основу у языкового сообщества вообще и диалектного в частности обнаружил Ф. Кайнц. В своей знаменитой монографии, посвященной феномену языкового чутья (*Sprachgefühl*), Ф. Кайнц анализирует те случаи, когда языковое чутье ошибается под влиянием плохих образцов, считая наиболее яркими примерами такого проявления провинциализма и идиотизмы: "Часто именно диалект здесь оказывается смущающим фактором. Неуверенность, с которой некоторые жители Северной Германии различают дательный и винительный падежи личного местоимения "я", связана с тем фактом, что нижненемецкий диалект для "мне" и "меня" располагает только одной формой *mi*" [Kainz 1944: 30]. Гораздо больший размах имеет "гиперкорректное" использование литературного языка носителями диалектов, а также приспособление диалектных форм к недостаточно хорошо известной литературной форме. Все это "проявления языкового чутья, которое зыбко в сфере общего языка, иными словами, – проявление недостаточного знания общеязыковых требований, которое использует свои запасы без уверенности и непосредственности" [Kainz 1944: 32]. Кайнц располагает подобные случаи в сфере, лежащей между неуверенным языковым чутьем и его коррекцией при помощи столь же неуверенного знания предписаний литературного языка. Подобное зыбкое чутье языка создает, согласно правилу Кайнца, гиперкорректные формы и языковую сверхкомпенсацию в области как литературного языка, так и диалекта.

К примеру, в баварско-австрийском диалекте преобладают аналитические формы прошедшего времени, поэтому носители этого диалекта, говоря на литературном языке, пользуются исключительно синтетическими формами (имперфектом), даже нарушая собственные сферы использования этого времени в литературном языке. Причиной этого явления Кайнц считает так называемое "языковое чутье" [Kainz 1944: 33]. Другие случаи сверхкомпенсации, к которым прибегает носитель диалекта, говорящий на литературном языке, – замена сочинительного союза *trotzdem* подчинительным *obgleich*, исключение из употребления союза *nachdem* в темпоральных придаточных предложениях (поскольку в диалекте этот союз используется и в каузальных придаточных, а в литературном языке это исключено), замена *wann* на *wenn*.

Существует, однако, и сверхкомпенсация, к которой прибегают носители одного диалекта, пытающиеся говорить на другом диалекте. Так, жители северной или центральной Германии, переходя на баварский или швабский диалекты, заменяют диф-

тонг *ei* нормативного произношения на *oa* или *oi*, не обращая внимание на ограничения, установленные звуковыми законами. Та же неуверенность и те же ошибки, в особенности в реже употребляемой лексике, допускают дети самих носителей баварского и швабского диалектов. Кайнц объясняет этот факт тем, что "эти дети не являются истинными членами диалектного сообщества", более того, "представители подрастающего поколения все меньше получают возможность в процессе прогрессивного отступления диалекта услышать неподдельный диалект, поскольку он в значительной степени вытесняется наддиалектными формами общения, на которые оказывает влияние литературный язык" [Kainz 1944: 34].

Столь серьезное воздействие языкового чутья на любое проявление языкового знания носителя диалекта связано с самим характером языкового чутья как "ориентации нашего зуза на живые образцы". Тем не менее, несмотря на наличие живых образцов, среди носителей одного и того же языка наблюдается высокая интервариантность, связанная как с личностными качествами самих носителей (в том числе и с характером полученного образования, качеством языкового обучения, использованием для этого художественной литературы, знанием диалекта, наконец, языковыми способностями), так и с языковой вариативностью и отсутствием сплошного нормирования, прежде всего, в области морфологии.

В данном случае дает о себе знать старая проблема диалектографии, весьма важная в случае опоры только на устный материал, – выделение критериев отбора информантов, т.е. выяснение вопроса, кто является, собственно, "настоящим", "чистым" носителем диалекта.

Подобным носителем, согласно традиции, считается немобильный (постоянно проживающий в данной местности), пожилой мужчина, полностью включенный в местный образ жизни (в "городской диалектологии" под этим влиянием позднее сформировался термин NORM – Nonmobile, Older, Rural Male). Такой носитель диалекта избирается из наименее видных членов данного сообщества, чтобы обеспечить представительность языковых фактов для всего сообщества [Chambers, Trudgill 1998: 47].

Так, Э. Пирайнен привлекала к своим опросам только носителей западно-мюнстерландского говора, родившихся в 1905–1935 гг., несмотря на то, что этим говором достаточно компетентно владеет и местная молодежь. Причинами подобного выбора стало то обстоятельство, что пожилые местные жители усвоили этот вариант нижне-немецкого диалекта в качестве родного, первого языка, а лишь позднее изучали стандартный немецкий в школе; они представляют различные профессиональные группы (крестьяне, домохозяйки, ремесленники, служащие, учителя и пр.); их родители практически все были крестьянами; большинство информантов провело свое детство на крестьянском дворе [Dobrovolskij, Piirainen 1992: 144].

Изучение такого информанта всегда связано с "парадоксом наблюдателя": лингвисты желают наблюдать за спонтанной устной речью, которая невозможна, если за человеком наблюдают. Для устранения этой проблемы современные лингвисты пытаются использовать методику языковой переменной [Chambers, Trudgill 1998: 48]. Оптимизация обработки данных анкетирования достигается и применением других современных методов диалектологии, из которых следует особенно отметить диалектометрию – количественный анализ диалектных данных двух соседних регионов, при котором учитываются географическая дистанция между регионами на карте и лингвистическая дистанция, указывающая при помощи дистантной метрики, насколько различны два региона в языковом отношении. Нередко практикуется составление скалограмм – матриц, позволяющих понять, насколько упорядоченны и систематичны диалектные явления, насколько они подчиняются какому-либо правилу. Составляются также мультивариантные статистические программы, которые сводят диалектные данные к набору определенных взаимосвязей [Chambers, Trudgill 1998: 127–148].

Согласно сформулированному Вайсгербером закону языкового сообщества, "человечество делится на языковые сообщества без лакун и в никогда не прерывающейся взаимосвязи" [Weisgerber 1949: 10]. Такой же закон невозможно было бы сформу-

лизовать относительно диалектной принадлежности носителей конкретного языка, поскольку в силу определенных факторов (прежде всего, урбанизации) языковое сообщество все более превращается из "локутного одеяла" диалектного пространства в достаточно унифицированное языковое пространство с диалектными очагами. В данном случае мы наблюдаем одно из социологических различий между литературным языком и диалектом. Кроме того, для каждой страны, очевидно, характерны различные диалектные ситуации с различной степенью важности, которую носители диалекта придают своей "двойной языковой принадлежности". Единственная максима, которую разделяют, по-видимому, все языки, в том числе и искусственные, заключается в том, что не существует языков без диалектного "дополнения".

Будучи частью родного языка, диалект также принимает участие в преобразовании мира в собственность духа, созидании картины мира родного языка, используя свои средства и способы. "Диалект есть языковое освоение родных мест" [Weisgerber 1956: 7], он превращает конкретное экзистенциальное пространство в духовную родину. Средства диалекта распространяются на то, что доступно носителям диалекта в непосредственном опыте: диалект и реальная жизнь деревни, доступная всем пространственная и духовная сфера в значительной степени совпадают. Диалект выступает как особый язык локально-связанных исконных занятий крестьянина, горняка, рыбака, охотника, винодела, ремесленника: "Именно действующие в данном экзистенциальном сообществе способы видения и суждения обретают в их диалектном выражении, вплоть до застывших оборотов и пословиц, жизненное значение и действенность в самом непосредственном смысле слова" [Weisgerber 1956: 7].

Существенной характеристикой диалекта является его роль как "источника омоложения" для национального языка, в частности, хранилища потенциального общепотребительного языкового материала, который по своему характеру был бы гораздо уместнее, чем, к примеру, заимствованная лексика [Weisgerber 1956: 261].

Вайсгербер выступает против той ошибки, "что считали свою задачу выполненной, когда переводили языковые средства из родного или иностранного языка в звуковую форму, соответствующую конкретному диалекту; считалось, что так можно внедрить эти средства в диалект" [Weisgerber 1956: 11]. Между тем, подобная методика была бы оправдана, если бы слова были обычными этикетками для универсальных сигнификатов. Развитие диалекта возможно лишь как "адекватное совершенствование, исходя из специфической языковой картины мира" [Weisgerber 1956: 12]. А спецификой диалектной картины мира является именно ее "основание на самостоятельно выработанном и постоянно подтверждаемом материале", что и ограничивает сферу действительности диалектной картины мира. Задачи культивирования диалектов включают преодоление презрительного отношения к диалектам, поддержание гордости носителя диалекта за свой родной диалект, сохранение сферы действительности диалекта, в частности, отказ от преподавания диалекта в школе, поскольку это разрушает гармонию между внутренним и внешним миром, присущую диалекту [Weisgerber 1956: 14].

Утрата диалекта вызывает у Вайсгербера опасение, что его место займет не общепотребительный язык, а жаргоны, совокупность низкокачественного языкового материала, не отражающего тесной взаимосвязи с местным экзистенциальным пространством и не обладающего жизненными ценностями диалекта. Подобные процессы уже проходят в тех индустриальных центрах Германии, где профессиональные сообщества складываются из представителей различных диалектных областей и где возникает потребность в выработке понятного для всех койнэ. Однако создающиеся таким образом жаргоны существенно отличаются от диалекта преимущественным использованием вульгарной лексики, метафорическим переносом лексики, имеющей отношение к животным, на ситуации, связанные с человеком (например, *verrecken*, *krepieren* "сдохнуть"), в то время как диалект в том же значении использует чаще образные эвфемизмы (*den Löffel unter die Haube legen*, букв. "положить ложку под чепец", *das Buch zumachen* "закрыть книгу", *in die Nüsse gehen* "уйти в орехи", *die Leite hineingehen*

"уйти по склону, на котором кладбище" в тюрингском диалекте) [Lipps 1935–1936; Steger 1964; Ehmann 1992; Bonifer 1993].

Косвенным свидетельством наступления жаргонов и городских полудиалектов на диалекты и говоры сельской местности является выдвижение *гипотезы пространственной диффузии*, согласно которой лингвистические инновации исходят из одной географической точки (обычно – большого города) и постепенно утверждаются в другом городе, а затем перемещаются в небольшие города и деревни [Chambers, Trudgill 1998: 166–186]. Правда, эта гипотеза в основном касается фонетических инноваций и связана с трудностями картографирования, поскольку методы традиционной диалектографии не способны выявить влияние городских центров инноваций, концентрируя внимание на статистических данных. Данная гипотеза в общем виде высказывалась еще Ф. де Соссюром под влиянием "теории волн" И. Шмидта [Соссюр 1977: 242].

В работах неогумбольдтианцев обнаруживается еще одна характеристика диалекта: его способность выступать в разговорной и "высокой" форме: "Лирическое стихотворение на диалекте может быть языковым шедевром... Как языковое произведение – это высокая речь. Проповедь на нижненемецком диалекте будет и вовсе носить характер высокой речи... причем, она будет тем совершеннее, чем совершеннее используется и реализуется духовность диалекта, то есть чем чище она будет в смысле чистоты диалекта. Дело в том, что проповедник применит все тщание, которое требует высокая речь, выбор слов, синтаксических конструкций, произношения" [Trier 1966: 120]. Трир использует последовательно характеристику "высокой речи" (*hochsprachlich*) не в лингвоисторическом, а в стилистическом аспекте (см. также о возможностях чтения проповеди на диалекте в [Schwartz 1997]).

Не менее важной проблемой оказывается использование диалекта в школе. По данным опроса среди жителей Лотарингии в начале 90-х гг. относительно целесообразности введения преподавания местного диалекта в школе, против подобного шага высказывались следующие аргументы: необходимость предварительного нормирования диалекта, отсутствие письменной кодификации, приоритет французского языка как государственного, "испорченный характер" диалекта по сравнению с литературным немецким (отсюда предложения преподавать не диалект, а немецкий литературный язык, наряду с французским), региональная ограниченность диалекта, преимущественная роль семьи в передаче диалекта своим детям (отсутствие которой невозможно компенсировать официальным путем), плохие результаты учащихся из сельских районов, приступающих к изучению французского языка, а также серьезная интерференция в процессе освоения немецкого литературного языка; значительная вариативность диалектного материала [Stroh С. 1993: 134–136]. Вместе с тем, по мнению старшего поколения, введение диалекта в школьное обучение является последним средством спасти его от полного исчезновения. Дальнейшие аргументы в пользу этого шага: знание диалекта облегчает изучение немецкого языка, многоязычие обогащает личность (с чем частично согласен, к примеру, исследователь тирольских диалектов Ф. Ланталер в [Lanthaler 1994]).

Конечно, этот опрос связан с особой ситуацией вокруг немецкого языка в районах компактного проживания диалектных меньшинств. В отличие от "внутреннего" диалекта, пограничный диалект связан с множеством импликаций, вызывающих отказ от его использования. В частности, если привлекать ситуацию в Лотарингии, то отказ от использования местного диалекта был связан с историко-политическими причинами (желание забыть о временах нацизма, особенно сильное в первое десятилетие после войны, антипатия к немцам, оценка немецкого языка как грубого, вульгарного, неэлегантного, присущего необразованным людям), социально-психологическими (ощущение диалекта как "частного", интимного средства общения небольшого сообщества, которым неохотно пользуются публично), социальными (меры французского государства по распространению государственного языка, социальное давление, школа) причинами [Stroh 1993: 165–173]. Однако в данном случае важно обратить внимание общественности на постепенное исчезновение диалектов как на большую утрату для

культуры как конкретной страны, так и всего человечества, сопоставимую с исчезновением экзотических языков, которое в современной литературе сравнивают по размерам и значимости с утратой видов животных и растений [Küchler 1993: 1].

Так, один из известных немецких лингвистов Х. Амманн отмечал в начале прошлого века: "То, что диалект является материнской почвой, из которой общеупотребительный язык (Schriftsprache) постоянно принужден извлекать новое питание и силу, если он не желает засохнуть на корню, давно стало общим местом и не оспаривается образованными людьми. Нам ведь всем известно, что диалекту присущи наглядность, необыкновенная выразительность, которые доступны в общеупотребительном языке лишь действительно творчески одаренным людям" [Ammann 1961: 41]. Приводя в пример Ф. Шиллера, который никогда не отрецивался от своего родного швабского диалекта и не стремился говорить на "чистом" немецком языке, Амманн называет в качестве примечательной черты своего времени то, что "лишь немногие из образованных людей осознают, что замена диалекта "чистым немецким языком" даже в повседневном общении, в семейном кругу означает расхищение лучшего и сущностного в нашем народе, который должен быть многолик, как наша родная земля и наши жизненные условия, и должен таковым остаться" [Ammann 1961: 41].

В этой связи Амманн требовал переориентации школы на изменение негативного, издевательского отношения к диалектам как "неверному", "испорченному" языку. Учителям пристало, по его мнению, знать местный диалект, чтобы обращать внимание учащихся на систематические различия между их диалектом и общеупотребительным языком. При этом, конечно же, сложно советовать, что делать учителю, приехавшему в эту местность из другой местности, а также – что делать с учеником, переведенным в эту школу из другого диалектного региона. Однако в целом использование диалекта должно облегчить решение нескольких дидактических задач, в частности, преподавания лексики и грамматики литературного языка, для объяснения которой имеет смысл отталкиваться от особенностей местного диалекта. Правда, и здесь Амманн считает необходимым подготовить учителя, предоставив ему перечень наиболее употребительных диалектных выражений и грамматических парадигм в сравнении с литературным языком для использования на уроке. Для некоторых регионов составление подобных справочников по грамматике может вызвать особые трудности, как, например, для многочисленных местных говоров Бадена, отличающихся собственными грамматическими чертами в каждом случае.

Важно, что Амманн признает необходимым разрешать учащимся сначала формулировать мысли на диалекте и затем при помощи учителя переводить их на литературный язык и, наоборот, учиться пересказывать литературные тексты на диалекте. Само собой разумеется и привлечение "добротной диалектной литературы" [Ammann 1961: 45]. В старших классах Амманн предлагает ввести преподавание основ диалектологии и диалектографии, исторических процессов складывания диалектной ситуации в Германии и в данном регионе, а также привлекать учащихся к сравнению собственного диалекта с соседними и средневерхненемецким, побуждать их к сбору диалектного языкового материала. Чрезвычайно существенно стремление привлечь молодежь к культуривированию диалекта, сбору диалектного материала (см., к примеру, описание подобных мероприятий в [Baumgärtner 1996]). Проблема взаимосвязи школы и диалекта разрабатывалась также в трудах [Ammon 1973; Ammon, Cheshire 1989; Hoerdts 1926; Böhm 1984; Macha 1981].

Таким образом, в трудах представителей неогумбольдтианского направления и его последователей были обоснованы не только принципы идиоэтнического подхода к языку, но и возможности распространения этого подхода на некоторые разновидности языка, имеющие "естественный" характер и соучаствующие в создании общей картины мира данного языкового сообщества. Наиболее ярким примером таких разновидностей языка являются территориальные диалекты.

2. Характерология диалекта как социолингвистической категории

Если исходить из существования единой понятийной картины мира у носителей конкретного языка, то существование такого единообразия покажется возможным лишь в языковом сообществе, не разделенном на многочисленные социально-территориальные микрогруппы, пользующиеся своими кодами познания и общения. Такая ситуация возможна принципиально лишь в сравнительно немногочисленных и сплоченных языковых коллективах носителей единого литературного языка.

Однако реальность бытия языковых коллективов часто обнаруживает замечательное разнообразие вариантов и вариаций литературной нормы, различающихся скрытой в их лексическом запасе точкой зрения на мир, закодированным в социолектах углом зрения, под которым реальность представляется несколько иной, модифицированной, по сравнению с языковой нормой. И поскольку эта норма складывается, как правило, гораздо позже социолектов, то и их возраст, и их гносеологический ракурс заслуживают особенного внимания тех исследователей, которые стремятся фактическим материалом доказать тезис об идиоэтничности познания.

Язык ныне нередко определяется, с социолингвистической точки зрения, как "совокупность диалектов, каждый из которых понятен носителям другого (intelligible)" [Chambers, Trudgill 1998: 3]. В таком случае язык выступает как инклюзивное понятие, указывая на существование различных вариаций. Диалект определяется в современной лингвистике как специфическая языковая система, которая: 1) "обладает высокой степенью сходства с другими языковыми системами, так что становится возможным – во всяком случае отчасти – взаимопонимание"; 2) "имеет региональную привязку в том смысле, что региональное распространение этой системы не пересекается с областью использования другой языковой системы"; 3) "не обладает письменной формой либо стандартизацией в смысле официально нормированных орфографических и грамматических правил" [Вуфманн 1983: 177]. Относительно первого параметра отметим, что достаточно распространены случаи, когда между двумя географически отдаленными диалектами не существует отношений взаимной понятности. Последний же параметр и вовсе не выдерживает критики: наряду с ненормированными, существуют и нормированные диалекты, например, мексиканский и кастильский диалекты испанского языка. В данном случае, правда, может вполне идти речь о начале формирования национального варианта или самостоятельного языка.

Существуют и попытки определить диалект квантитативно: по мнению М. Сведеша, диалектом можно считать разновидность языка, в которой имеется 81% и более словаря общего с общепотребительным языком; в противном случае речь идет о двух разных языках [Кноблех 1986: 592].

В отечественном языкознании диалект толкуется довольно широко: это разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью [ЛЭС 1998: 132]. Территориальный диалект, являясь частью конкретного языка или другого диалекта, обладает особенностями в звуковом строе, грамматике, словообразовании, лексике; это "разновидность языка, служащая средством общения местных жителей на определенной территории и характеризующаяся относительным единством языковой системы" [Филичева 1983: 7]. Помимо лингвистических критериев, для определения понятия "диалект" используются топографический (горы и реки как естественные границы диалектного ареала), локальный (месторасположение вблизи от важных коммуникаций), политический и религиозный критерии (взаимосвязь истории становления диалекта с политической историей диалектного сообщества и его конфессиональными особенностями), а также социально-психологический (этническое самосознание, самооценка и оценка соседей), историко-культурный и пр.

Диалект обладает "незначительным диапазоном его коммуникативных функций в обществе", ограниченным семейно-интимной сферой, повседневным общением в небольших территориальных коллективах, устной формой существования [Филичева

1983: 48]. Дialeкт не обладает стиливым многообразием при небольшой стиливой дифференциации. Ему не свойственны сознательная обработанность, регламентация и кодификация. В структурном отношении диалекты характеризует спонтанность речи, проявляющаяся в преобладании сочинительной связи над подчинительной. Территориальный диалект рассматривается как средство общения населения исторически сложившейся области со специфическими этнографическими особенностями, определяемой совокупностью изоглосс и изопрагм [ЛЭС 1998: 133]. Изоглоссы лишь в идеальном случае представляют собой плавные линии, четко разделяющие различные районы одного ареала по определенному (как правило, фонетическому) признаку; гораздо чаще встречаются хаотические пересечения изоглосс в тех ареалах, которые обнаруживают древнюю историю этнических перемещений. Нередки и переходные зоны между зонами чистых диалектов, в которых диалектные особенности перемешаны, особенно в тех случаях, когда регион был заселен лишь один или два столетия назад. Наконец, существуют и реликтовые области, в которых преобладают определенные диалектные черты, однако данные ареалы разделены областями, в которых преобладает некая более поздняя черта данного диалекта [Chambers, Trudgill 1998: 89–103]. Для всех диалектов одного языка, таким образом, постулируется как реально существующий феномен *диалектный географический континуум*, в котором между крайними точками обязательно существуют переходные ступени в виде других диалектов. Не используя самого термина, об этом явлении говорил еще Ф. де Соссюр [Соссюр 1977: 236].

Трактовка диалекта как разновидности литературного или общеупотребительного языка стала общим местом лингвистики. Однако она не разделялась, к примеру, Э. Сепиром, потому что "подавляющее большинство так называемых диалектов – это просто регулярно развивавшиеся в разных направлениях более ранние формы речи, предшествовавшие засвидетельствованным языкам" [Сепир 1993: 217]. Сепир полагал: "Если в одно и то же время функционируют явно близкие формы речи, лингвист никогда не скажет, что одна из них представляет собой диалект другой, а лишь только то, что они в равной степени являются диалектами одного общего прототипа, известного или гипотетически восстановленного" [Сепир 1993: 216]. В таком понимании диалектами общеславянского языка являются для Сепира русский, польский, чешский, болгарский и сербский, "которые условно считаются отдельными языками из-за наличия соответствующих национальных образований" [Сепир 1993: 216]. Возникновение литературного языка рисуется Сепиру как порождение волюнтаризма, присваивающего одному из диалектов статус нормативного образования: "Этот принятый всеми местный диалект становится символом культурных ценностей и распространяется в ущерб другим местным формам речи. Словарь, форма и, в конце концов, произношение становятся все более и более обязательными. Говорящие на местных диалектах начинают стесняться своих специфических речевых форм, поскольку последние лишены престижной значимости стандартизованного языка; и в конце концов создается иллюзия существования основного языка, обслуживающего обширную область, являющуюся территорией проживания нации или национальности, и множества местных форм речи как некультурных и испорченных вариантов основной нормы" [Сепир 1993: 218]. Кстати, проблема престижности диалекта, поднятая Сепиром, получила свое дальнейшее освещение в диалектологии конца XX века [Surek-Clark 2000].

Практически одновременно с Сепиром ту же мысль высказывал и Ф. де Соссюр, анализируя современную ему ситуацию в начале XX века: "Литературный язык не торжествует сразу же на всей территории, так что значительная часть населения оказывается двуязычной, говоря одновременно и на общем языке, и на местном наречии. Такая картина до сих пор наблюдается во многих областях Франции, как, например, в Савойе, где французский язык... еще не вытеснил окончательно местное наречие. Подобное же явление замечается в Германии и в Италии, где всюду диалекты сохраняются рядом с официальным языком" [Соссюр 1977: 231]. Подобное же явление Соссюр отмечает как характерную черту языковой ситуации в античной Греции и древ-

нем Вавилоне. При этом Соссюр ввел в свои рассуждения важное ограничение: картина восхождения одного из диалектов в ранг общего языка возможна лишь в ситуации территориальной неразобченности этнического коллектива. В случае же, если какой-либо диалект развивается до статуса языка в полной географической изоляции от родственных ему языков, он позднее подвергается дроблению на диалекты, сохраняющие его черты [Соссюр 1977: 249].

Сепир отмечает в качестве важного положительного качества консервативность диалектов, успешно сопротивлявшихся тенденциям к стандартизации на протяжении веков. Однако он сомневается в конечной победе языкового локализма в связи с ростом прагматизма и реализма в сфере деятельности человека и возрастания концептуальности и нормативности в сфере мышления, поэтому "мы можем с полным основанием рассматривать... попытки спасти от культурного вымирания языка и диалекты меньшинств как нечто вроде небольших завихрений в общем могучем потоке стандартизации речи, который начался на исходе средневековья" [Сепир 1993: 221]. Какой тонкой ни показалась бы нам такая трактовка, она все же не оригинальна. Еще К. Бругманн в 1909 г. указывал на то, что, с точки зрения истории языка, диалект есть любой язык по отношению к другому языку.

Опираясь на содержательно-ориентированное истолкование феномена диалекта, можно определить территориальные диалекты как *естественно сложившиеся и развивающиеся в рамках общего языкового пространства ареальные социолекты, обладающие особой вариативностью в терминологическом оформлении действительности*. В таком понимании любой диалект обладает живой, естественной основой, близостью к природным и бытовым особенностям жизни небольшой группы носителей этого специфического варианта языка. В условиях диалекта возможно полноценное формирование языковой личности, естественно, лишь при том условии, что данная личность навсегда останется в диалектном ареале и будет заниматься той практической деятельностью, которая определена условиями бытия его группы и терминологически зафиксирована в картине мира его диалекта. Это же качество отличает диалект от жаргонов, профессиональных языков и пр.

Более того, можно с уверенностью говорить о том, что диалектная среда оказывает собственное воздействие на характер речевых умений носителя диалекта: "Гиперболизация и преуменьшение, вуалирование высказывания и неожиданное разрешение ситуации, юмор и шутка используются с большой ловкостью даже носителями диалекта с обычными языковыми способностями, как об этом можно судить по магнитофонным записям спонтанных бесед. Искусные рассказчики, которых очень ценят в языковом коллективе, достигают при этом удивительных результатов языкового творчества, причем им весьма способствует в этом сохранившийся в диалектном лексическом поле кладезь отчеканенных оборотов" [Rosenkranz 1967: 664]. Все вышесказанное целиком применимо к ситуации в немецком языковом пространстве, где существование диалектов не окрашено, за некоторыми исключениями, пейоративно и не является просто реликтом культурной парцелляции Германии, а воспринимается носителями языка и диалекта как специфическое отличие представителей различных областей страны, составляющее предмет гордости и уважения.

Диалект рассматривается как синтопичный объект, т.е. "такой фрагмент языка, внутривидовые характеристики которого представляются единственными и специфическими по отношению к другим фрагментам того же языка" [Степанов 1976: 62]. Важно отметить, что диалект, равно как и другие формы устной речи литературного языка, стали особым предметом рассмотрения в лингвистических исследованиях XX столетия [Семенюк 1999]. Так, в 60-х гг. прошлого века формируется социально-диалектологическое направление, ставящее перед собой задачи: а) исследовать распределение диалекта между различными слоями общества, причем в традиции теории Б. Бернстена диалект понимается как "укороченный код" общения низших слоев общества, степень укороченности которого измерялась в зависимости от степени сложности синтаксиса и размеров грамматической и лексической вариативности, в связи с этим

Бернстин считал диалекты более предсказуемыми, менее сложными и "дефицитарными" по масштабам нормативного языка среднего слоя ("дефицитарная гипотеза") и б) исследовать социальные условия языковой вариативности и эволюции языка (в традиции У. Лабова диалект воспринимался как отличная от стандарта языковая вариация со своими закономерностями и возможностями выражения – "дифференциальная гипотеза"; в традиции 60-х гг. Дж. Гамперца и Дж. Фишмена диалект рассматривается как элемент специфической диглоссии в данном ареале); в) определить коммуникативные функции использования различных вариаций языка в устной речи (в частности, в предложенной в 70-х гг. "теории контекстуализации" Дж. Гамперца и Дж. Кук-Гамперца). Подобная коммуникативная направленность американской диалектологии и диалектографии позволила определить более частные качества диалектов, но все же не предоставила в распоряжение диалектолога верные критерии для классификации и типологизации диалектов.

В конце прошлого столетия отмечено появление нового направления в диалектологии – *перцептуальной диалектологии*, которая исследует, что обычные люди думают относительно дистрибуции языковых вариаций в своем языковом сообществе, а также и в других сообществах, как простые люди относятся к диалектам. Перцептуальная диалектология носит, таким образом, характер "народной лингвистики", поскольку она обращается за эмпирическими сведениями не к лингвистам, а к "человеку с улицы" [Preston 2001].

3. Компоненты диалектной картины мира

Под *картиной мира диалекта* мы понимаем присущее данному диалекту как подсистеме конкретного языка определенное устройство системы понятий, отражающее специфические пути освоения окружающего мира коллективом носителей данного диалекта [Закуткина 2001]. К картине мира относятся также присущие данной диалектной системе фразеологические и синтагматические ресурсы, позволяющие создавать устные и письменные тексты на данном диалекте. Из всех этих ресурсов лишь синтаксические модели диалекта представляются не вполне показательными для характеристики концептуализации в рамках диалекта, поскольку они зачастую представляют собой усеченный набор подобных ресурсов общеупотребительного языка. Помимо лексического уровня, большой интерес представляют идиоматические средства и словообразовательные возможности диалекта [Вендина 1998]. Диалекты обладают, таким образом, особой "концептосферой" (в терминологии Д.С. Лихачева), являясь сжатым выражением всей культуры диалектного сообщества, включая не только собственно понятийный фонд диалекта, но и культурные концепты. Концептосфера диалекта тем богаче, чем богаче культура диалектного сообщества, его фольклор, его исторический опыт.

Основной особенностью диалектной картины мира признается существование такого особого разряда слов, как *диалектизмы*: фонетические, грамматические, словообразовательные, лексические, в числе которых выделяются *этнографизмы* (названия местных бытовых реалий, не имеющие параллелей в литературном языке), *собственно лексические диалектизмы* (локальные синонимы общеупотребительной лексики), *семантические диалектизмы* (своего рода омонимы к общеупотребительной лексике). В испанской диалектографии принято также выделять *провинциализмы* (языковые явления более широкого территориального охвата, чем ограниченный ареал обычного диалекта), *локализмы* или *географические партикуляризмы* (категория слов, распространенных как в одном приходе, так и на более обширных территориях) [Степанов 1976: 98]. Если диалектизмы носят аффективный характер, то, согласно установленной еще в 1913 г. гипотезе Э. Тапполе, их разнообразие намного превышает разнообразие предметных обозначений, однако сфера распространения аффективной лексики весьма узка; более того, если она увеличивается, то это, как правило, сопровождается потерей аффективной ценности такой диалектной единицы. Подобной лексике не присуща синонимия, даже если их семантика сопоставима, так как они используются различными

языковыми коллективами и понятны только их членам (ср., например, *nocken, nuzeln, sunseln, nätzen, säumern*, означающие "дремать" и использующиеся в различных местностях Тюрингии). От подобных локальных слов следует отличать *территориальные синонимы*, понятные всем носителям диалекта, хотя и различающиеся по своей частоте в разных местностях. Правда, и такие синонимы вполне в соответствии с законом языковой экономии не сосуществуют как семантические близнецы, а вырабатывают некоторые дифференциальные оттенки и коннотации (как, например, *hinlegen* и *umlegen*, различающиеся в тюрингском диалекте по месту отдыха – в постели или в кресле и т.п.).

Основным лингвогносеологическим отличием диалекта от других, родственных, диалектов представляется именно характер понятийной системности, отражающийся в лексиконе данного диалекта. То, что мы обнаруживаем в системе взаимосвязанных средств диалекта, есть не что иное, как "гносеологические следы", тропы познания, веки освоения окружающего мира, своего рода "когнитивные линзы", позволяющие видеть окружающее в таком свете и не иначе. Однако и языковая категоризация мира может быть охарактеризована точно так же, и она предлагает своим носителям специфический взгляд на мир. В чем же отличие?

Известный немецкий диалектолог Ф. Штро полагал, что разница между языковой и диалектной категоризацией мира заключается в принципах отбора сфер познания и в "ячейности" той сетки, которую мы набрасываем на мир, когда пытаемся его осмыслить (символ принадлежит Й. Триру). Помимо этого, он выделяет в качестве характерных черт диалекта "зависящие от особых жизненных взаимосвязей данной группы и ограниченные ими предметные сферы этого мира народного языка; своеобразие и особенный чекан форм его видения мира; его незначительное содержательное совпадение с понятийными родственниками общеупотребительного языка; его избранные и построенные по своеобразным принципам и масштабам оценок языковые содержания и понятийные классификации; его связь с предметами и жизнью; его непосредственное прикосновение к предметам и погружение в чувственно-конкретное явление, результатом чего является сравнительно необычное богатство языковых знаков, так что этот язык рисует в красках то, что литературный язык представляет лишь в общих очертаниях" [Stroh 1931–1932: 247].

Это *парцеллирование объектов концептуализации* можно проиллюстрировать количественными данными. Так, в диалекте Наунштадта Ф. Штро вычленяет целый ряд бытовых сфер, которые осмыслены и в литературном языке, однако дробность понятий в нем гораздо меньше, чем в диалекте, хотя часть словаря их и перекрывается. Так, понятие "лошадь" представлено в литературном языке половыми и возрастными обозначениями, в то время как в диалекте Наунштадта подобное членение выглядит гораздо более дробным [Stroh 1934: 294]. Для концепта "лошадь" в этом деревенском говоре используются *Gaul* (старая), *Hengst* (жеребец), *Wallach* (кастрированный жеребец), *Stute* (кобыла), *Füll* (маленький жеребенок), *Schirrling* (однолетка, двухлетка), *Huß, Hüß, Kracken, Klepper, Schirrach* (больной), *Massik* (буйный), *Bisser* (кусачий), *Schmisser* (лягающийся), *Kollerer* (больной колером, бешенством), *Fuchs* (рыже-коричневой масти), *Schimmel* (белой масти), *rossig* (беременная) и пр. Элементы этой предметной группы отличаются от соответствующих средств литературного языка большей детализацией, связанной с характером, состоянием, здоровьем, возрастом животных.

Для концепта "крупный рогатый скот" в гессенских говорах используются следующие обозначения: *Ochse* (бык), *Stier* (кастрированный), *Lüpper* (кастрированный), *Kuh* (корова), *Kalbin* (корова, понесшая впервые), *Rind* (теленок), *Kalb* (теленок), *Scheckel, Schappel, Scherbel, Sprieze* (старое, большое животное), *Brüller* (большое венерическими заболеваниями, поэтому "громко мычащее"), *Schecke, Blässe* (пятнистое животное), *Fuchs* (рыже-коричневое), *Rote* (рыжее), *Braune* (коричневое), *Schimmel* (белое), *Muh, Heinzchen* (корова в детской речи) и т.п. Любопытно здесь использование отчасти тех же обозначений мастей, которые мы встретили в предметной группе обозначения лошади, что свидетельствует об отсутствии их четкой денотативной привязки.

Для свиньи в этом диалекте были зафиксированы следующие обозначения: *Watz* (хряк), *Barch*, *Beetz* (кастрированный), *Mucke* (молодая свинья, предназначенная для спаривания) *Sau* (взрослая свинья, а также кастрированный боров), *Ferkel* (поросенок), *Schößling* (полуголовалый), *Sprenger* (молодняк), *Wutz* (в детской речи, а также апеллятив). В западно-мюнстерландском диалекте отмечены более 50 обозначений для 'домашней свиньи' в зависимости от пола, веса, фазы выращивания, цели выращивания и использования, возраста кастрации и пр. [Dobrovolskiy, Riihinen 1992: 140].

Эту же особенность обнаруживаем и в отношении предметов сельскохозяйственного труда, видов зерновых [Радченко 1997, 1: 286] Примечательным является отсутствие обобщающих понятий, например, "лошадь как таковая", "сноп как таковой", "колос как таковой". Вместе с тем, каждый вид подобных понятий оформлен отдельной языковой единицей, что позволяет полагать, что данная номинация проводилась с учетом реальной практической потребности носителей диалекта, ориентировалась на необходимость понятийного вычленения именно этого феномена, его дискретного формирования внутри системы родственных феноменов.

Только такой необходимостью можно объяснить кажущуюся понятийную избыточность диалекта Нассау, в котором используются 20 выражений для понятия "есть, кушать", 13 – для "головы", 12 – для "рта" и т.д., или более 1600 выражений для "женщины" в швейцарских диалектах (см. также [Кузьмич 1980]). В диалекте Наунштадта существуют 40 обозначений концепта "совершать телесное наказание", 29 – "говорить" 28 – "идти", 23 – "удар" и "порицать", 20 – "кушать, есть", 17 – "неуклюжий человек". обманывать, "работать", 16 – "мучить", 13 – для обозначения "головы", "толпы", 12 – для "рта", 11 – для "шума", "упрямого", "ныть", "убеждать", "скрывать", 10 – для "пьяного" и "лгать, пускать пыль в глаза", 9 – для "водки" и "смеяться", 8 – для "тюрьмы", "сосуда", "очень", "идет дождь", "зря растратить", 7 – для "опьянение", "мочиться", "браниться", "разбивать, разрушать", 6 – для "холма", "дождя", "воровать", "молчать", 5 – для "лакомиться", 4 – для "умирать" [Stroh 1930: 126]. В тюрингском диалекте насчитывали до 100 обозначений для "быть пьяным" и примерно столько же – для "драться" [Rosenkranz 1967: 666].

Подобную *изолирующую номинацию* Ф. Штро предполагает и на древних ступенях верхненемецкого. К примеру, в древневерхненемецком для номинации лошади использовались такие параметры, как пол, предназначение (для битвы, перевозок и пр.), способ выращивания, кастрация, цвет, происхождение (из Галлии или других мест), вид бега. В средневерхненемецком также обнаруживаются обозначения лошади, ориентирующиеся на пол, кастрацию, возраст, а также комбинацию этих признаков [Stroh 1930: 122]. Поскольку эти обозначения почерпнуты из литературных источников, а устный материал нам не известен, то можно предположить, что обозначения лошадей в древневерхненемецком и средневерхненемецком были несравненно более дифференцированными и тонкими, чем в немецких диалектах. Подобная номинация отмечалась и исследователями экзотических языков, в частности, Ф. Боасом и К. Леви-Брюлем.

Примеры изолирующей номинации Штро находит и в обозначениях различных видов "снопа" (само же обобщенное обозначение в диалектах Таунуса отсутствует) – *Sichling* (пшеницы), *Boßen* (льна), *Bausch* (соломы), *Stroher* (неуложенной соломы), а также колоса: *Kloppel* (пшеницы), *Schnate* (овса). Эти предметные группы представляют значительную трудность в их содержательной интерпретации, поскольку, как об этом свидетельствуют и исследования Ф. Штро, эта интерпретация базируется на этимологическом анализе с привлечением древневерхненемецкого и средневерхненемецкого материала.

Из аграрных предметных групп большой интерес представляют архаичные *единицы мер и весов*, сохранившие в немецких диалектах свою денотативную привязку: *Fuder* (60 снопов), *Klafter* (охапка дров), *Elle* (локоть ткани), *Lot* (лот ниток), *Morgen* (0,25 га земли), *Mandel* (15 яиц или снопов), *Stuege* (20 штук), *Stunde Wegs* (час ходьбы), *Malter* (мальтер зерна), *Meste* (12,4 кг ржи или пшеницы или 9 кг овса), *Sechter* (четверик), *Kumpf* (миска, чашка) и пр. [Stroh 1930: 124]. В баварском диалекте используются следу-

ющие специальные обозначения мер для одного из символов местной культуры: *Quarddl* (250 г пива), *Haiwe* (500 г пива), *Maß* (до литра пива) [Kolbl 1997: 85], которые, правда, легко поддаются дешифровке, поскольку образованы путем деления "мерки" пива на четверть и половину с сохранением этих обозначений.

Весьма интересна двойная номинация одного и того же денотата в зависимости от его использования: так, в гессенских говорах картофель обозначается двумя словами в зависимости от того, когда его едят: *Kartoffele* (по воскресеньям), *Krumbeere* (в обычные дни) [Stroh 1930: 126]. Одно и то же состояние может быть обозначено в диалекте Наунштадта по-разному в зависимости от животного, например, "беременный": *rossig* (о кобыле), *ochsig* (о корове), *starnig* (об овце), *katerig* (о кошке), *bockig* (о козе), *rollig* (о свинье), *laufig* (о собаке и зайчике)

Следующей особенностью диалектной категоризации мира можно считать эмоциональную окрашенность номинации, неперенное наличие в ней субъективных элементов, пейоративности, "пессимизма", который является, по мнению известного немецкого диалектолога А. Баха, неперенной чертой любого немецкого диалекта. Так, концепт "женщины" представлен в говоре Наунштадта более чем 200 обозначениями с отрицательной коннотацией, среди них: 11% для "грязнули", 8,5% – для "дуры", 6% – для "болтливой" и пр. Для "мужчины" используется свыше 400 подобных обозначений. Таким образом, прав А. Бах, утверждавший: "Народ хвалит неохотно, популярнее – порицание и критика. Боль, гнев, злость и насмешка отражаются в словаре и ведут к подбору все новых и новых оборотов" [Bach 1934: 293].

В сфере антропоцентрической лексики аффективные выражения являются маркерами непринужденной беседы между носителями диалектов. Одна из групп таких выражений оказывается чрезвычайно детально "разработанной" в различных немецких диалектах – это смысловая сфера аффективной реакции неприятия ("Ты что, с ума сошел?"). Эта реакция обнаруживает особенное богатство метонимического переноса и метафоризации в Цюрихском говоре: *Hasch es Lüde?* (Ты чем-то страдаешь?), *Schaffsch am Sunntig?* (Ты что, работаешь по воскресеньям?), *Spinnisch?* (Прядешь = С ума сошел?), *Häsch en Vogel?* (У тебя птичка, т.е. не все дома?) и еще более усиленное *Häsch e Vogelzucht uffda?* (Ты что, открыл у себя птичник?), *Hasch en Flade?* (У тебя коровий помет?), *Hasch en Floo?* (У тебя блоха?), *Hasch en Sprung ide Schussle?* (У тебя что, миска треснула?), *Häsch en Tagg?* *Bisch tuggtagg?* (У тебя часы испортились?), *Hasch en waarms Jogurt im Hosesack?* (У тебя что, теплый йогурт в кармане?), *Hatts der is Hirn gschneit?* (Тебе в мозг снег напал?), *Bisch dure bi root?* (Ты что, перешел на красный свет?), *Bisch weich?* *Bisch bireweich?* (У тебя размягчение (мозга)?), *Hasch en Knall?* (У тебя выстрелило?), *Bisch Hugo?* (Тебя зовут Гуго?), *Bisch psucho?* (Ты что, псих?), *Bisch schizo?* (Ты шизик?), *Bisch nod ganz bache?* (Ты что, не совсем пропекся?), *Bisch nod ganz pip?* (Не в себе?), *Bisch vollmorsch?* (Прогнил совсем, что-ли?), *Bisch nod ganz hundert?* (Не на все сто нормальный?), *Bisch nünenunzg?* (У тебя в чем-то недостача?), *Bisch gstöpslet?* (Закоротило?), *Gspursch de Foon?* (Чувствуешь южный ветер?), *Spucksch bi dir?* (В голове привидения?), *Hasch en Dachschade?* (Крыша порохудилась?), *Hasch e Pause?* (У тебя перерыв?), *Bisch dure im Programm?* (В программе ошибка?), *Verzell vo dum Unfall!* (Расскажи о своей аварии!), *Da chnusch Vogel über!* (Поцелуй птичек!) [Imhof 1995: 76–77]. В этой эмоциональной сфере мы обнаруживаем не просто желание обидеть, задеть собеседника оригинальным способом, а каталог нежелательных для носителя диалекта событий, невероятных происшествий, в котором просматриваются аналогии с сельскохозяйственными процессами, ремеслами, а также (поскольку мы имеем дело с городским полудиалектом) ощущается влияние терминологии технической сферы, медицины.

В кельнском полудиалекте также находим аналогии с часами, птичником, нарушениями и дефектами, но есть и своеобразные приемы: *Da hat der Kopp op halver if sitze* (У него голова на половину одиннадцатого), *Demm laufi ein Radchen im Kopf herum* (У него в голове бегают колесико), *Do hass ene Ratsch im Kappes* (У тебя щель в башке), *Do hass se nummie all op der Latz* (У тебя они уже не все на жердочке), *Demm kutt de Ver-*

stand wie dem As de Millisch (у него мысли появляются, как у быка молоко), *Do biss esu inteljent wie e Toosbrut vum Aldi!* (Ты такой же умный, как батон из магазина "Алди!") [Thiergart 1996: 99].

Наконец, в саксонском диалекте своеобразие приемов также невелико: *Du hasd ja ä Gnall!* (а *Glabbs!* (У тебя выстрелило/щелкнуло!), *Du hast ja ä Bieb!* (У тебя пищит!), *Bei dihr biebd's wahl?* (У тебя пищит что ли?), *Bei dihr gommse wo? Bei dihr boomds wo?* (У тебя не все в порядке?), *Du hasd ja ä Digg!* (У тебя тик!), *Du hasdse wo nich alle!* (У тебя не все!), *Du hasd wo ä Forrds gefriehschdiggd!* (Ты съел испорченный воздух на завтрак!).

Таким образом, диалект намного более внимательно фиксирует собственную ценность каждого субъективного оттенка в освоении окружающего мира, придавая особый, уникальный характер каждому фрагменту духовного освоения окружающей действительности (*geistiger Zugriff*).

Второстепенная роль абстрактного в диалекте выражается в том, что, к примеру, в локальных диалектах немецких деревень абстрактная лексика остается в пределах 10% имен существительных, например, в диалекте Кроненберга 4260 конкретных и 210 абстрактных имен существительных, в диалекте Оберэллиенбаха – соответственно 3910 и 390 [Bach 1934: 302]. Причем, в тех случаях, когда количество абстрактных имен существительных превышает это соотношение, речь идет о переведенных на диалект словарных единицах общеупотребительного языка. Диалект, конечно, способен выразить абстрактные идеи конкретными средствами.

Интересно, что здесь мы наблюдаем прямую параллель между диалектной лексической системой и картиной мира в языках примитивных народов: «В словаре они содержат богатые обозначения для различных форм, в особенности форм использования одного и того же вида растений или его частей, например, кокосового ореха и т.п., в то время как простейшие абстракции, слова "животное", "растение" вообще отсутствуют» [Graebner 1924: 72]. Это позволяет проводить некоторые параллели, но не отождествлять особенности картины мира диалектоносителей с картиной мира носителей примитивного языка. В целом же справедлива оценка Х. Розенкранца: "Народный язык никогда не нацелен на абстракцию, но всегда связан с изменчивыми содержаниями представлений и эмоций. Но, прежде всего, его понятийная система схватывает действительность не так, как она выглядит на самом деле, а так, как она представляется с точки зрения языкового сообщества. Поэтому, к примеру, в народной ботанике особенное обозначение получают только те растения, которые важны как полезные или вредные для сообщества, в то время как прочие объединяются под обобщенными названиями... С другой стороны, один и тот же говор располагает несколькими названиями для одного и того же растения, если оно значимо в нескольких отношениях" [Rosenkranz 1967: 664]. Так, одуванчик в одной и той же местности (Штайнах, Тюрингия) пейоративно обозначается как *Läuseblume* (блошиный цветок), поскольку, разрастаясь, он вытесняет на лугу кормовую траву, в то время как с другой стороны, его как *Milchstöcke* (молочные стебли) ценят как популярный корм для кроликов. Наконец, дети мастерают весной из полых стеблей этого *Kettenblume* (цепочного цветка) ожерелья, а из спрессованных стеблей этой *Brummer* (гуделки) – пищалки, в то время как позже они сдувают созревшие шапки этих *Lichter* (огоньков) и *Laternen* (фонарей).

Исследователям диалектов бросается в глаза закрепленная в устойчивых оборотах склонность диалекта к преувеличениям (пессимизм диалекта). Так, в своих исследованиях обозначений "ума" и "глупости" в диалекте Дрольсхагена А. Мор установил, что в общеупотребительном языке в четыре раза больше обозначений для понятия "умный", чем в этом диалекте, но всего лишь в два раза больше обозначений для понятия "глупый". Иными словами, "диалект обладает наибольшим количеством выражений, когда речь идет о назывании негативных качеств ума" [Bach 1950: 275].

Конечно, это качество присуще и разговорной речи как таковой, но в ограниченной сфере диалекта оно проявляется гораздо более зримо. Эти особенности диалекта "находятся в явной связи со степенью взаимосвязи языка и реальной, конкретной жизни.

с силой непосредственной духовной переработки экзистенциального пространства" [Weisgerber 1956: 9]. Поэтому ранние представления о наличии особых качеств у носителей диалектов, сходных с качествами аборигенов, были отвергнуты в 50-х гг., и, напротив, было дано иное объяснение многим особенностям диалектной картины мира. В частности, пессимизм диалекта проистекает не из общего негативного настроения носителей диалектов, а из "острого взора относительно того, что отклоняется от нормы, который в более тесном экзистенциальном сообществе, естественно, является более острым, чем в масштабах общепотребительного языка" [Weisgerber 1956: 10].

С этим качеством связана и важная стилистическая характеристика диалекта – его склонность к грубоватому, фамильярному, а зачастую и вульгарному, с точки зрения стилиста-носителя литературного языка, способу выражения. Однако для диалектного сообщества выбор этого нормативного регистра связан не с какой-либо склонностью к бранной лексике, а с самой сущностью фамильярной лексики – ее способностью "создавать доверительную атмосферу, чувство бытия среди своих, устранять барьеры и связывать собеседников", причем среди этой лексики можно выделить фамильярно-усилительные выражения, прежде всего, крепкое словцо и огромное количество сравнений, подразумевающих, помимо прочего, желание говорящего понаравиться собеседнику [Rosenkranz 1967: 664].

Поскольку с течением времени образность и свежесть подобных выражений стираются, происходит вытеснение этих выражений более образными и свежими словами с большей аффективной нагрузкой. Однако не следует полагать, что диалектная лексика – это совокупность крепких выражений; ведь одной из особых сфер этой лексики является "язык кормилицы" (*Ammensprache*), очень своеобразный и красочный инструментальный общения с маленькими детьми.

Фамильярные и особенно вульгарные средства ограничены определенными ситуациями и даже определенными носителями диалекта, но все же объединять эти две группы средств в одну не стоит: фамильярная лексика носит в диалектном лексиконе характер "наивной грубости", она включает и такие единицы, которые в литературном языке имеют безусловную вульгарную маркировку и табуированы в повседневном общении. К примеру, слово *Arsch* (груб. "зад") не воспринимается носителями тюрингского диалекта как крепкое, вульгарное слово, относясь скорее к фамильярному регистру. Это слово используется крестьянином как обозначение для нижней части снопа, а работником на плоту – как название толстой части ствола дерева [Rosenkranz 1967: 665].

Излюбленным индивидуализирующим стилевым приемом диалектной речи является *сравнение с использованием указания на наглядный предмет*, например: *ein Gesicht wie drei Tage Regenwetter* "лицо как три дня непогоды" (говор Хоррвайлера), *wie wann der Teufel Erbsen darauf gedrescht hätte* "лицо, как будто черт на нем горох молотил" (говор Хайнштадта), *ein Augenmaß wie eine wilde Sau* "глаза узкие, как у дикой свиньи" (говор Фюрстенгрунд-Кенига), *ein Kotelett wie ein Abtrittsdeckel* "отбивная как крышка отхожего места" (говор Зиферсхайма), *ein Magen wie ein Zuchthaus* "живот как тюремное здание" (говоры Балькхаузена и Зиферсхайма), *Schuhe wie ein Geigenkasten* "башмаки как футляр для скрипки" (говор Эльмсхаузена), *ein Busen so glatt wie ein Bügelbrett* "грудь плоская, как гладильная доска" (говор Балькхаузена) и даже *Fuß-Numero kleiner wie ein Kindersarg* "размер обуви меньше, чем детский гробик" (говор Фюрстенгрунд-Кенига).

Любопытно, что в приводимом Ф. Штро списке нет ни одного выражения с положительной коннотацией, зато отрицательные дают прекрасное представление о способе номинации и этнической логике. Эти примеры позволяют определить, что является предметом исследования диалектной картины мира: не только показать многообразие и стилистическую окраску диалектной номинации в различных смысловых сферах, но и выявить направления духовных приемов освоения действительности, конкретные составляющие этнической логики, основу диалектной номинации.

Для решения этой задачи не менее показательна *гиперболизация* в эмоциональных выражениях, типа: *Ich schlage dir ins Genick, dass du Backsteine kotzt* "так дам тебе по шее, что тебя стошнит кирпичами" (говор Зиферсхайма), *dass du vor Pfingsten den Him-*

mel nicht mehr siehst что ты до Троицы неба не увидишь" (говор Зиферсхайма), *nicht mehr weißt, ob du ein Bubchen oder ein Mädchen bist* "что ты забудешь, какого ты пола" (говор южного Гессена) [Stroh 1930 135].

Фразеологические ресурсы диалекта также чрезвычайно богаты и могут рассматриваться как типичный случай метафоризации, поскольку всяческие мыслительные обобщения избегаются: *Er legt sich hinter einen grünen Zaun und wartet, bis er durr ist* "он ложится под зеленую изгородь и ждет, пока она засохнет", т. е. он не скоро получит ожидаемое наследство (говор Хилесхайма), *Was battet mir eine schöne Schussel, wenn nichts drin ist* "какой мне толк от красивой миски, если в ней пусто" – о бедной красавице на выданье (говор Бальтхаузена), *Wanns Schafchen blokt, versäumt's ein Maulchen voll* когда овечка блеет, она не успевает набить себе рот" – о детях, болтающих за столом (говор Зиферсхайма), *Sie verschneidet ein Bettuch und flickt eine Spullumpe damit* – "она разрезает простыню и латает ее кусками тряпку для мытья посуды" – о непрактичной экономности (говор Хайнштадта) [Stroh 1930: 136].

Весьма распространены *нарные фразеологизмы*, типа *alter Wein und junge Weiber sind die besten Zeitvertreiber* "старое вино и молодки – лучшее средство убить время" (говор Бальтхаузена), а также *парадоксально-ситуативные фразеологизмы*, построенные на эффекте контрдетерминации, например, *'s Haus verliert nicks, hott sall Fraa g'sad, da hott se'm Kind sein Strumpf im Sauerkraut g'funne* "В доме ничего не пропадает", – сказала женщина, найдя носок своего ребенка в кислой капусте (говор южного Гессена).

Образный характер носят и разнообразные *метафорические названия бытовых предметов частей тела продуктов питания* *Lausekafig* (клетка для блох = шляпа, говор Римхорна), *Fangeisen* (капкан = обручальное кольцо, говор Обер-Рамштадта), *der reinste Steinbruch* (сплошная каменоломня = плохие зубы, говор южного Гессена)

Элементом диалектного юмора являются различные *шутливые рифмовки и стихотворения*, исследование которых необходимо, поскольку оно позволяет в развернутом виде представить себе ситуации, понятные только тому, кто причастен к понятийному миру носителя данного диалекта

Для характеристики диалектов определенную роль играют, возможно, и *гендерные различия* в использовании фонетических, лексических и даже морфологических элементов. Гендерный фактор в картине мира немецких диалектов пока еще не исследован.

Наконец, важную роль в становлении и развитии лексической системы диалекта играет *религиозное обособление диалектного сообщества*, иногда дополняемое миграцией в другой языковой ареал. Подобный случай (диалект русских старообрядцев, переселившихся из Латвии на Житомирщину) исследовала Т. Леннгрен, проведя сравнение этого диалекта и говора населения Псковской области, соседней с исконным ареалом проживания данной группы старообрядцев.

Расхождения, выявленные Т. Леннгрен, касаются, прежде всего, систем обозначений предметов быта и построек:

дом – *изба поземная* (старообрядн.), *изба с подклетом* (нестарообрядн.);

пол – *зень* (старообрядн.), *мост* (нестарообрядн.);

подвал – *яма* (старообрядн.), *подмостье, подполье* (нестарообрядн.) и пр. [Lonngren 1997 1]

Но различия касаются и обрядов, и связанных с ними обозначений, действий, предметов. Так, в псковских говорах свадебный обряд строится по следующему сценарию: *вечорки – сговор – опрос – смотренье – знакомство – откладывать на думы – сватовство – дорогая кладка – поглядное – рукобитье – большой пропой – сговоренки – гостицы дарить – приезд с отвесью – засидки – мылы дарить – пороги кричать – углы золотить – девичник – в баню вести – елочку наряжать – косу продавать – выть зарю – окружение, свадебный поезд – откупать на четыре угла – встать под венец – венчание – стращать молодых – расплетать косу, надевать повойник – сажать на шубы – байничек петь – продавать постель – раздевать мужа – баня – байник есть – княжой обед* [Lönngren 1997: 4]. В лексиконе старообрядцев свадебный обряд включает несколько отличную от первой схему *знакомство – сговор – вьчорки – кирмаш –*

увод – окручение – расплетать косу, надевать повоинник – укрывание – повиновение – наказание – прощение – угощение [Lonngrén 1997 4].

Указанные основные отличия диалектной категоризации мира, конечно, не исчерпывают всего разнообразия подобных отличий. Раскрытие этого разнообразия продолжается вот уже более 70 лет как в германском языкознании (в различных проектах, которыми руководили неогумбольдтианцы), так и в отечественном языкознании. Предметом исследований становятся устойчивые словосочетания [Малыгин 1987; Коканина 1984], стилистические функции маркированной лексики диалекта [Крюкова 1983], словообразовательные ниши [Артемова 1981], обиходно-разговорные выражения [Буюклян 1990].

Сравнивая эти исследования с родственными проектами в области русской диалектологии, приходится констатировать, что тематика славистических исследований более конкретна, касается определенных предметных сфер быта диалектного сообщества, например, питания или форм рельефа местности (что напоминает о подобных исследованиях швейцарского диалекта в работах П. Цинзли). Соединение такой методики с широкой постановкой философской проблемы категоризации мира в немецких диалектах представляется чрезвычайно плодотворным в отечественном языкознании, в особенности, если такое сравнение дополнить данными русских диалектов.

Подобный характер диалекта как близкого к жизни и материальной культуре духовного освоения ограниченной экзистенциальной сферы в закрытом языковом мире обуславливает тот факт, что средства общепотребительного языка оказываются в данной сфере в значительной степени непригодными.

Исследование особенностей диалектной картины мира в связи с обрядами, поверьями, устным народным творчеством – характерное направление для русской диалектографии, культурологии и этнографии [Елеонская 1994; Меркулова 1994; Занозина 1991, Костромичева 1997]. Культурологические штудии сочетаются в таких работах с исследованием предметных групп слов, связанных с данными обрядами, поверьями [Ильинская 1998; Гришанова 1996], народной медициной [Меркулова 1975], народным календарем [Макаренко 1993].

Таким образом, диалектная картина мира содержит разнообразнейшие элементы, требующие детального изучения, с тем, чтобы из разрозненных фрагментов и замечаний об особости диалектного восприятия мира сложилось целостное представление о картине мира, присущей конкретному языковому коллективу. Такая постановка вопроса была бы интересна и с точки зрения того, какое место занимает диалектная категоризация мира в общезыковой картине мира, существуют ли предпосылки для обогащения этой картины мира за счет диалектного фонда и каковы перспективы работы в этом направлении. Подобная сравнительная когнитивная диалектография может стать существенным вкладом в осуществление мечты великого В. фон Гумбольдта – выявить понятийные тропы, которыми с разных сторон бредут к познанию объективной истины народы.

Не все диалекты обнаруживают одни и те же процессы деградации, нивелирования и т.п., и, напротив, некоторые из них переживают эпоху нормирования, культивирования. Однако в данном случае нет оснований для оптимистической оценки будущего таких диалектов. Наоборот, в данной ситуации становится наиболее очевидным фундаментальный парадокс диалекта – как только в его систему привносятся новые элементы, связанные с подведением его под некую норму, разрушается основное свойство каждого диалекта – его естественный рост; с другой стороны, отсутствие нормирования, другие социокультурные факторы, бытующие в современном обществе, ведут диалекты к постепенному вымиранию. Единственное, что могло бы спасти диалект от подобной ситуации – продолжение естественного процесса его развития, однако единственным условием этого могло бы стать сохранение диалектного сообщества как деспособной сплоченной, креативной группы людей, связанных естественными условиями сельской жизни. В современном мире подобное условие невыполнимо и нереально, поэтому единственно допустимой, очевидно, следует признать консервативную дея-

тельность диалектографа, сохраняющего для науки духовные ценности, заложенные в диалектной картине мира поколениями ее носителей. Не последнюю роль в этой ситуации играет и стремление носителей диалекта воспроизвести его картину мира и сохранить ее для передачи следующим поколениям диалектного сообщества.

Очевидно, что задачей *консервативной концептуальной диалектографии* является анализ диалектного лексикона для возможно более полной каталогизации тех духовных приемов, которыми пользовались и пользуются носители диалекта для перевода окружающей их природы, жизненных ситуаций в духовную собственность относительно небольшой группы земляков

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемова 1981 – В С *Артемова*. Особенности швейцарского варианта современного немецкого литературного языка (на уровне словообразования). Дис. ... канд. филол. наук Л., 1981.
- Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В *Булыгина*, А.Д. *Шмелев*. Языковая концептуализация мира (на примере русской грамматики). М., 1997.
- Буюклян 1990 – М.Е *Буюклян*. Языковая структура и территориальные особенности лексики обиходно-разговорного языка (Баварский ареал). Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990.
- Вендина 1998 – Т.И *Вендина* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (микрокосм) М. 1998.
- Гришанова 1996 – В.И *Гришанова* Обрядовые выпечные изделия и их названия в одном из орловских говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1994. СПб., 1996
- Елеовская 1994 – Е.Н. *Елеовская* Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. М., 1994.
- Закуткина 2001 – Н.А *Закуткина* Феномен диалектной картины мира в немецкой философии языка XX века Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Зановина 1991 – Л.О *Зановина* Терминология календарных обрядов годовичного цикла в этнолингвистическом освещении (на материале курского региона). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 1991
- Ильинская 1998 – Н.Г *Ильинская*. К проблеме системных отношений в лексике. Лексико-семантическая группа "Выпечные изделия в архангельском диалекте" (Семантико- и лингвогеографические аспекты) М., 1998.
- Коканина 1984 – Л.Е. *Коканина*. Состав и характер фразеологии в швейцарском варианте современного немецкого литературного языка. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
- Костромичева 1997 – М.В. *Костромичева*. Лексика свадебного обряда. Автореф. дис. ... канд. филол. наук Орел, 1997
- Крюкова 1983 – В.Б *Крюкова*. Стилистические функции швейцарской маркированной лексики (на материале современных произведений германо-швейцарской литературы). Дис. ... канд. филол. наук Л., 1983.
- Кузьмич 1980 – Н.Г. *Кузьмич* К характеристике лексики швейцарско-немецких диалектов (её вариативность и адаптация романских заимствований). Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980
- ЛЭС 1998 – Лингвистический энциклопедический словарь М., 1998.
- Лихачев 1993 – Д.С *Лихачев* Концептосфера русского языка // ИАН ОЛЯ. 1993. № 1
- Макаренко 1993 – А.А. *Макаренко* Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993.
- Мальгин 1987 – В.Т. *Мальгин* Устойчивые словосочетания в австрийском национальном варианте современного немецкого литературного языка. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987
- Меркулова 1975 – В.А *Меркулова*. К истории становления народной медицинской терминологии // Slawische Wortstudien, Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes. Leipzig, 11.–13.10.1972. Bautzen, 1975.
- Меркулова 1994 – В.И *Меркулова*. Календарная и обрядовая лексика, связанная с христианскими праздниками, в говорах Орловской области // Духовная культура. Проблемы и тенденции развития Сыктывкар. 1994.
- Потебня 1905а – А.А *Потебня* Конкретность мышления // А.А. Потебня. Из записок по теории словесности Харьков, 1905
- Потебня 1905б – А.А *Потебня* Миф и слово // А.А. Потебня. Из записок по теории словесности Харьков, 1905.
- Потебня 1905в – А.А *Потебня* Язык и народность // А.А. Потебня. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905

- Радченко 1997 – *О.А. Радченко* Язык как мирозидание. Лингвофилософские основы неогумбольдтианства. 1–2 М., 1997.
- Семенов 1999 – *Н.Н. Семенов (ред.)* Устные формы литературного языка: история и современность М., 1999.
- Сепир 1993 – *Э. Сепир* Дialeкт // Э Сепир Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер с англ под ред. и с предисл. А.Е. Кибрика М., 1993
- Соссюр 1977 – *Ф. де Соссюр* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов 1976 – *Г.В. Степанов* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
- Филичева 1983 – *Н.И. Филичева* Дialeктология современного немецкого языка М 1983.
- Шевырев 1884 – *С.П. Шевырев*. Вступление: русский язык – выражение духа и характера русского народа Три периода развития Русского слова // Сборник отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук 33 № 5 СПб, 1884
- Шпет 1927 – *Г.Г. Шпет*. Введение в этническую психологию М., 1927.
- Ammann 1961 – *H. Ammann*. Schutz und Pflege der heimischen Mundart // Nachgelassene Schriften zur vergleichenden und allgemeinen Sprachwissenschaft / Hrsg von F. Gschnitzer Innsbruck, 1961.
- Ammon 1973 – *U. Ammon*. Dialekt, soziale Ungleichheit und Schule Weinheim; Basel, Beltz, 1973.
- Ammon, Cheshire 1989 – *U. Ammon, J. Cheshire* Dialekt und Schule in den europäischen Ländern Tübingen, 1989.
- Bach 1934 – *A. Bach*. Deutsche Mundartforschung Berlin 1934 (2 Aufl. 1950).
- Baudouin 1929 – *J.J.N. Baudouin de Courtenay* Einfluss der Sprache auf Weltanschauung und Stimmung (Drei Vorträge, gehalten in Kopenhagen Ende Mai und Anfang Juni 1923 auf Einladung des Rask-Orsted-Komitees). Warszawa, 1929.
- Baumgartner 1996 – *H. Baumgartner*. Dialekt im Wasserburger Land ein schulisches Projekt. Wasserburg, 1996
- Böhm 1984 – *G. Böhm*. Der Dialekt als Sprachbarriere? Eine empirische Untersuchung über den Einfluß des Dialektes auf den Schulerfolg im Fach Deutsch in den 5. Klassen weiterführender Schulen in Heidelberg Diss Kiel, 1984.
- Bonifer 1993 – *H. Bonifer*. Giesemer Platt ein kernig-derber Dialekt im Kreis Offenbach, festgehalten in mehr als 3500 Ausdrücken. Rodgau, 1993.
- Bußmann 1983 – *H. Bußmann* Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, 1983.
- Cassirer 1921 – *E. Cassirer* Zur Einstein'schen Relativitätstheorie Erkenntnistheoretische Betrachtungen Berlin, 1921.
- Chambers, Trudgill 1998 – *J.K. Chambers, P. Trudgill* Dialectology. 2-nd edition Cambridge, 1998
- Debrunner 1957–1958 – *A. Debrunner*. Sprachwissenschaft und Volksgemeinschaft // Sprachspiegel 13 Hf. 6. 1957; 14, Hf. 1. 1958.
- Dobrovolskij, Piirainen 1992 – *D.O. Dobrovolskij, E. Piirainen* Zum Weltmodell einer niederdeutschen Mundart im Spiegel der Phraseologie // Niederdeutsches Wort. Beiträge zur niederdeutschen Philologie Bd 32. 1992.
- Ehmann 1992 – *H. Ehmann* Jugendsprache und Dialekt Regionalismen im Sprachgebrauch von Jugendlichen Opladen, 1992
- Graebner 1924 – *Fr. Graebner*. Das Weltbild der Primitiven Eine Untersuchung der Urformen weltanschaulichen Denkens bei Naturvölkern. München, 1924.
- Hoerdt 1926 – *Ph. Hoerdt* Muttersprache und Volkserziehung Zugleich eine Einführung in den Deutschunterricht der Volksschule. Karlsruhe, 1926.
- Imhof 1995 – *J. Imhof* Kauderwelsch Band 71. Schwiizertütsch – das Deutsch der Eidgenossen. Bielefeld, 1995
- Ipsen 1930–1931 – *G. Ipsen*. Ursprache, Sondersprache, Gemeinsprache // Blätter für deutsche Philosophie 4. 1930–1931
- Ipsen 1931 – *G. Ipsen* Sprache und Gemeinschaft // Bericht über den 12. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie in Hamburg 1931
- Kainz 1943–1944 – *Fr. Kainz* Über das Sprachgefühl // Archiv für vergleichende Phonetik Bd 7 Hf. III / IV 1943–1944.
- Knobloch 1986 – *J. Knobloch* Sprachwissenschaftliches Wörterbuch Bd. 1 A–E Heidelberg, 1986
- Kolbl 1997 – *R.H. Kölbl* Kauderwelsch. Bd 106: Bairisch, das echte Hochdeutsch Bielefeld, 1997
- Kuchler 1993 – *H. Kuchler*. Bedrohte Sprachen // Rhetorik Sprache und Denken Ethnolinguistik / Hrsg von K.H. Wagner, W. Wildgraben Bremen, 1993.
- Lanthalder 1994 – *Fr. Lanthalder (ed.)*. Dialekt und Mehrsprachigkeit. Merano, 1994

- Lipps 1935–1936 – *H Lipps*. Sprache, Mundart und Jargon // *Blätter für deutsche Philologie* 9 1935–1936
- Lonngren 1997 – *T. Lonngren* The Lexicon of Russian Old-Believers (based on material from Latgale and the Zitomir area) // 16th International Congress of Linguists Paris, 1997
- Macha 1981 – *J Macha* Dialekt Hochsprache in der Grundschule Ergebnisse einer Lehrerbefragung im südlichen Nordrhein-Westfalen Bonn 1981
- Mutrus 1929 – *G von Mutrus* Wort, Wert, Gemeinschaft Sprachkritische und soziologische Überlegungen. München, 1929
- Osthoff 1883 – *H Osthoff* Schriftsprache und Volksmundart Berlin, 1883
- Panzer 1937 – *Fr Panzer* Sprache und Volksseele // *Zeitschrift für deutsche Bildung*, 1937 13 Jg., Hf 9
- Polenske 1933 – *K Polenske* Sprachgemeinschaft, Willensgemeinschaft, Volkstum // *Deutsche Kulturwacht* 2. 1933
- Preston 2001 – *DR Preston (ed.)* Handbook of perceptual dialectology V 1 2001
- Rosenkranz 1967 – *H Rosenkranz* Wortfeld im Mundartraum Das Wortfeld 'schlafen' im Thüringischen // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller Universität Jena* 6 Hf 5 1967
- Schwartz 1997 – *W Schwartz* Kerch uf palzisch Gottesdienst im Dialekt Frankenthal (Pfalz), 1997
- Sombart 1939 – *W Sombart* Volk und Sprache // *Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche* Jg. 63 1 Halbbd, 1939
- Steger 1964 – *H Steger* Gruppensprachen Ein methodisches Problem der inhaltsbezogenen Sprachbetrachtung // *Zeitschrift für Mundartforschung* 31 1964
- Steinthal 1876 – *H Steinthal* Dialekt Sprache, Volk, Staat, Rasse // *Festschrift für Ad Bastian* Berlin, 1876
- Stroh 1930 – *Fr Stroh* Stil der Volkssprache // *Hessische Blätter für Volkskunde* 29 1930
- Stroh 1931–1932 – *Fr Stroh* Sprache und Volk // *Hessische Blätter für Volkskunde* Bd XXX–XXXI 1931–1932.
- Stroh 1934 – *Fr Stroh* Vom Weltbild hessischer Bauernsprache // *Volksspiegel* 1 1934
- Stroh 1993 – *C Stroh* Sprachkontakt und Sprachbewusstsein eine soziolinguistische Studie am Beispiel Ost-Lothringens Tübingen, 1993
- Surek-Clark 2000 – *C Surek Clark* Dialect aquisition and prestige // *A Williams, E Kaiser (eds.) UPENN Working papers in linguistics* University of Pennsylvania, 2000
- Thiergart 1996 – *M Thiergart* Kauderwelsch Band 105 Kolsch – die Sprache einer Stadt Bielefeld, 1996
- Trier 1966 – *J Trier* Alltagssprache // *Die deutsche Sprache im 20. Jahrhundert* Göttingen, 1966
- Vierkandt 1931 – *A Vierkandt* Handwörterbuch der Soziologie Stuttgart, 1931
- Vossler 1904 – *K Vossler* Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft Eine sprachlich-philosophische Untersuchung Heidelberg 1904
- Walter 1929 – *R von Walter* Das russische Weltbild // *Der katholische Gedanke* 2 Hf 2 1929
- Weisgerber 1931 – *JL Weisgerber* Sprache // *Handbuch der Soziologie* In Verbindung mit G Briefs, F Eulenburg F Oppenheimer W Sombart, F Tonnies, A Weber, L von Wiese // Hrsg. von A Vierkandt Stuttgart, 1931
- Weisgerber 1949 – *JL Weisgerber* Die Sprache unter den Kräften des menschlichen Daseins Dusseldorf, 1949
- Weisgerber 1956 – *JL Weisgerber* Die Leistung der Mundart im Sprachganzen Vortrag bei der Arbeitsbesprechung über die Pflege der Mundarten in Recklingshausen am 17. März 1956 Münster (Westf.), 1956
- Wirrer 1989 – *J Wirrer* Dialekt und Standardsprache im Nationalsozialismus – am Beispiel des Niederdeutschen // *K. Ehlich (Hrsg.) Sprache im Faschismus* Frankfurt-am-Main, 1989